

Крестный путь в этике, культуре, языковом сознании

© Т. И. СУРИКОВА,
кандидат филологических наук

В статье на примере оборота *крестный путь* и смежных с ним номинаций рассматривается процесс вербализации этических категорий при формировании понятий, прецедентных феноменов в языковой картине мира.

Ключевые слова: *крестный путь, Голгофа, лобное место, прецедентные феномены, языковое сознание, словоупотребление.*

*Голгофа, крест. Моя душа,
И Он с ней тихо говорит,
Чуть слышно и едва дыша,
Но слово, как огонь, горит.*

Галина Мерзлякова

Выражение *крестный путь* современные неспециализированные словари литературного языка приводят в метафорическом значении. *Крестный путь* – это скорбь, страдание, хождение по мукам, мученичество, Голгофа. Его сознательно выбирают подвижники, одержимые любовью к Отечеству, к истине, наконец, к нам с вами, грешным людям. Его проходят целые страны и народы. Россия – одна из них: «Петр Столыпин: крестный путь реформатора» (В.Н. Воронин, Д.В. Табачник);

«Крестный путь России: 1991–2000» (Н.С. Леонов); «Судьба талантливого человека, крестный путь художника» (В. Кошелев); «Перенеся вместе с Добровольческой армией через ее крестный путь неугасшую и непоколебленную веру в великое будущее Единой и Неделимой России» (А.И. Деникин) – вот контексты (их множество в Интернете, в частности Национальном корпусе русского языка), которые иллюстрируют не только словарное значение оборота, но и особенности его концептуализации в русском языковом сознании прежде всего посредством публицистики.

Семантическая сочетаемость позволяет дополнить словарное определение оборота сведениями о том, кому и при каких условиях суждено этот путь пройти. Это личности, социальные или профессиональные группы, народы, которые:

1) хождение по мукам выбирают вынужденно, но чаще всего сознательно;

2) сами стали прецедентным феноменом – если не для всех, то для многих сподвижниками, олицетворением несбигаемого мужества, целеустремленности и жертвенного служения высокой цели;

3) проходят путь мученичества до конца.

Большинство этих сем становится основой расширения сочетаемости, когда такая же судьба ждет феномены культуры, науки: *крестный путь подлинного искусства* (П. Изотов), *крестный путь советской генетики* (Д. Гранин), *мука опозоренного идеала и крестный путь обреченной красоты* (О. Ронен).

Культурная и историческая основа этого оборота – последние часы земной жизни богочеловека Иисуса Христа, посланного Богом-отцом на Землю искупить грехи человечества.

Этическая основа выражения – представления о добре и зле [1, 2], наглядные примеры которого являют христианские предания, в частности евангельские притчи о приходе Христа в Иерусалим и его крестной жертве. Христианство две тысячи лет назад дало человечеству этический эталон добра: любви, веры, надежды, верности, сострадания, достоинства, мужества, терпения и терпимости – и, наоборот, образцовые примеры антиценностей – зла: трусости, жестокости, окамененного нечувствия, нетерпимости и пр.

И неважно, верим мы в Бога или нет, эти эталоны представляют должное в этике и культуре, а в языковом сознании и языковой картине мира лежат в основе формирования значения прецедентных феноменов, руководят процессами концептуализации и метафоризации понятий и выражений, на уровне структуры вербализуются в словообразовании, синонимии, многозначности, сочетаемости [3]. А фразеологизм *крестный путь* и все слова и выражения, что с ним связаны, – иллюстрация того, как этика вторгается в лингвистику, вербальную семиотику, как

этические императивы формируют языковую картину мира, подчас радикально меняя исходное значение слова или выражения в тот момент, когда оно становится символом, метафорой.

От реалии – к символу

Прежде чем стать всеобъемлющим символом самопожертвования, движимого любовью к ближнему, словосочетание *крестный путь* имело прямой, буквальный, смысл – *путь из точки А в точку Б с крестом в качестве ноши*. Как известно, в Иерусалиме этот маршрут назван *Via Dolorosa* (в переводе с латыни – *Путь Скорби*).

Две тысячи лет назад там странствующий проповедник и целитель из Назарета, сын плотника Иосифа, из последних, уже покидающих его сил волок к месту казни свой крест. На кресте была издевательская табличка: «*IESUS NAZARENUS REX IUDAEORUM*» – *Иисус Назарянин, Царь Иудейский*. Согласно библейскому преданию, ее написал сам римский наместник в Иудее Понтий Пилат.

Изнемогая под тяжестью своего креста, Иисус пронес его через весь город, в те времена, правда, крошечный, дальше – за городские ворота, на холм под названием Голгофа. В этом не было ничего необычного: согласно ритуалу этой позорной римской казни для рабов и инородцев (римлянам за тяжкие преступления отсекали головы), каждый приговоренный должен был сам донести до места распятия его орудие, чтобы потом долго и мучительно на нем же умирать.

Это и был в буквальном смысле *крестный путь*, пройденный сыном Божиим. Какое-то похожее выражение должно было существовать и до Христа и быть бытовым топонимом, как *Мусорные ворота* (через них действительно вывозили мусор) в том же Иерусалиме. Ведь Иисус был далеко не первым: эту дорогу проложили задолго до него и должны же были как-то ее называть, поскольку преступники несли по ней собственные кресты на казнь часто. Но актуализировалось это сочетание в буквальном значении в связи с последними часами земной жизни Спасителя. И уже тогда в самом действе были заложены этические смыслы жертвенности, любви и самоотверженности, ставшие сутью современного фразеологизма *крестный путь*.

Более того, претерпевает этические преобразования, становясь символами добра или зла в разных ипостасях, большинство смежных номинаций.

За неделю до казни, после того как Иисус воскресил Лазаря в соседней Вифании, жители Иерусалима встречали его пальмовыми ветвями и возгласами: *Осанна!* Первоначально в древнееврейской молитве это значило: *Спаси нас!* Позже в христианских текстах оно приобрело смысл хвалебного восклицания и до сих пор в этом дискурсе его сохраняет.

А в литературный язык вошло выражение *петь осанну*, т.е. рассыпаться в похвалах. И что интересно: поначалу в нем не было никаких пейоративных сем, да и сейчас такие контексты не редкость: «Ты можешь петь осанну временам, / Руинами отечества гордиться, / Но прежде – погляди по сторонам, / Внимательней взглядишь в людские лица». (В. Патрушев). Однако к настоящему времени развивается значение безудержного восхваления, часто доходящего до подхалимажа. В современных толковых словарях появляется помета «ироническое»: в конце концов этические представления о лжи, лицемерии приводят к развитию негативно-оценочных элементов в денотативном значении выражения. Ведь через несколько дней те же люди на том же языке вместо «Спаси нас!» кричали: «Распни его!».

Так начинался крестный путь Спасителя. Почти всю дорогу, до самых городских ворот, перед Христом шел римский воин и кричал: «Кто может сказать в защиту этого человека?». Так велел римский закон, обязательный и на территории Иудеи. И подобным образом римляне поступали всегда, когда вели осужденного на казнь (кстати, историки права считают эту традицию одним из прообразов будущего суда присяжных). Иисус Назарянин, сын плотника, не был исключением. Народ как воды в рот набрал, хотя многие шли за ним и рыдали.

На крестном пути Христа семь стояний. Каждое отмечает важное, знаковое событие по дороге на Голгофу, и почти с каждым его наименованием происходят лингвистические перевоплощения.

Первое стояние там, где Христа приговорил к смерти Понтий Пилат. В связи с этим эпизодом в язык входит выражение *умывать руки* – снимать с себя ответственность. «Пилат, видя, что ничто не помогает, ... взял воды и умыл руки перед народом, и сказал: невиновен я в крови Праведника Сего», – повествует Евангелие от Матфея (27:24). Ритуальное омовение рук в знак непричастности к злодеянию – иудейский религиозный обычай, и для прокуратора это было последнее средство вразумить толпу, подстрекаемую первосвященниками. Не помогло! И в язык вошло еще одно прецедентное выражение: *кровь его на нас и детей наших* (Мф, 27:25) в значении *добровольное признание в преступлении всего народа, подписанный самим себе приговор*. Живет оно в единственном контексте распятия Христа и выходит за его пределы в исключительных случаях. На втором – Назарянин был подвергнут бичеванию, третье – это место, где истерзанный и вконец обессиленный, он в первый раз упал под тяжестью креста. Где-то между третьим и четвертым стояниями, согласно западноевропейской легенде позднего средневековья, обессиленный Иисус попросил у местного жителя Иоанна разрешения прислониться к стене его дома, чтобы отдохнуть. Тот нахамил: «Ступай мимо, отправляйся на смерть!» – и даже ударил Христа. Спаситель ответил ему: «Я пойду, но ты не умрешь до моего возвращения».

Вначале персонаж был назван *Иоанн Бутадеус* – ударивший Бога. Прозвище зафиксировало факт рукоприкладства. Не более того. Но позже появляется ряд других имен, и в культуру и язык он входит как *Агасфер*, *вечный жид* – в прямом смысле еврейский ремесленник, осужденный Богом на скитания до второго пришествия за то, что оттолкнул, ударил Христа, шедшего на казнь; в переносном, этическом смысле – символ человеческой жестокости, окамененного нечувствия, наказанный за это вечный скиталец, страдалец. В этом значении *вечный жид* становится прецедентным именем, порождает новые легенды (в частности, о летучем голландце), становится излюбленным литературным героем [4].

На пятом стоянии римляне, видя, что Иисус вконец обессилел, заставили *Симона Киринейского*, оказавшегося рядом, нести его крест. И с тех пор имя этого случайного прохожего, шедшего с поля, стало символом сострадания, готовности прийти на помощь, взять на себя чужой крест.

На шестом – сердобольная женщина по имени Вероника подала Христу платок. Он отер кровавый пот с лица, и на влажном льняном полотне, как на фотографии, запечатлелся его лик. Считается, что именно этот плат, подлинный, хранится в соборе святого Петра в Ватикане. Так же, как *Симон Киринейнин*, *Вероника* вошла в языки мира как символ сострадания.

Однако после этой встречи и с ее именем произошло переименование – лингвистическое: его стали считать производным от латинского сочетания *isopa vera* – *истинный образ*. На самом деле *Вероника*, в иной огласовке *Фроника*, *Фронике*, *Береника* имя греческое и образовано от сочетания *φερεин нике* – *приносить победу*. И появилось оно намного раньше латинской версии. Так звали дочь царя Птолемея Первого, правившего Египтом лет за 250 до Рождества Христова [5].

Седьмое стояние крестного пути символизирует еще одно падение Иисуса Христа. Он споткнулся о порог *Судных врат* на выходе из города перед самой Голгофой. И это событие порождает очередную историю того, как под давлением этических представлений переосмысливается значение слова, и утилитарный топоним становится символом несправедного суда и людской недалекости, жестокости и неблагодарности.

Сейчас прилагательное *судный* в названии *Судные врата* мы считаем производным от существительного *суд*.

Почти в любом путеводителе можно прочитать, что эти врата так называли еще в античности, потому что римляне возле них читали приговор осужденному – иначе говоря, *вершили суд*.

Но, скорее всего, название *судные врата* никакого отношения к суду не имеет. Тема этих ворот обсуждалась тысячу лет. Последний раз – в конце XIX века, когда при раскопках на территории русского Алек-

сандровского подворья Императорского Православного Палестинского Общества в древних городских стенах археологи нашли проход рядом с Голгофой. Для ворот он был узковат – около двух с половиной метров. Есть свидетельство римского историка Иосифа Флавия, что в этом месте был проход, пробоина либо пролом в стене или башне. Одно из первых толкований слова, которым Иосиф Флавий этот проход или пролом называет, можно найти в византийской энциклопедии X века под названием *Суда*.

Одна из самых правдоподобных версий такова: *судные врата* – значит упоминаемые в энциклопедии *Суда* [6]. *Судными* их предпочитал называть начальник русской духовной миссии в Иерусалиме, архимандрит Антонин Капустин. Он-то, ученый-византолог, византийские источники знал. Тут наука, казалось бы, убивает красивую легенду. Но когда такой легенды нет – ее создают. Пусть народная этимология искажает факты, но в этических оценках не ошибается. И если через эти ворота Христа вывели, а рядом, на Голгофе, сотворили немыслимое злодеяние, считая его *судом*, то ворота – *Судные* и есть.

«И, неся крест Свой, Он вышел на место, называемое *Лобное*, по-еврейски *Голгофа*; там распяли Его и с Ним двух других, по ту и по другую сторону, а посреди Иисуса», – сказано в Евангелии от Иоанна (19:17). Рядом с названием *Голгофа* в русском переводе появляется его эквивалент *лобное место*.

И с этими параллельными наименованиями связана еще одна лингвистическая история того, как на крестном пути Христа самые обычные, бесхитростные названия обретают смысл гуманистического символа. Изначально *голгофа* по-арамейски, а *лобное место* по-русски значили одно и то же – возвышенность. Голгофа и лобное место выполняли роль театральных подмостков, чтобы народ лучше видел казнь. Увы, таковы были нравы. И, кстати сказать, слово *лоб* как часть тела тоже ведь поначалу означало не вместилище мысли, а всего-то самое высокое место на теле.

Но со временем эти синонимы превращаются в антонимы. *Лобное место* осознается как сцена для публичного возмездия за причиненное зло: это место казни государевых преступников. Тем более любопытно, что в таком восприятии *лобного места*, по крайней мере в Москве, больше легенды, политического мифа: на самом деле казнили на лобном месте мало – чаще объявляли важные царевы указы. Тем не менее, стереотип *лобное место* в значении «чтобы казнить преступников, воздать им по заслугам» существует долгие века [7]. А *Голгофа* – становится символом страдания, самопожертвования. На Голгофу ведет любовь к людям. Ведь Христос был первым, а может, и единственным, кто молился за тех, кто прибывал его к кресту: «Отец, прости им, ибо они не ведают, что творят» (Лк, 23:24).

Около тысячи лет назад в Иерусалиме, который стал к тому времени святым вечным градом, паломники восстановили (правда, больше символически, чем исторически достоверно) *крестный путь* Христа и назвали его *Via Dolorosa* – дорога страданий, путь скорби.

И вот уже две тысячи лет люди помнят о крестных страданиях Спасителя и не могут себе простить его смерти. А святой город Иерусалим стал живым свидетельством того, как дорога к месту казни превращается в нашем сознании в *крестный путь* – символ страдания и крестной жертвы Сына Божия ради спасения людей.

Литература

1. Словарь по этике / Под. ред. И.С. Кона. М., 1981.
2. Этика: энциклопедический словарь / Под общ. ред. Р.Г. Апресяна, А.А. Гусейнова. М., 2001.
3. Сурикова Т.И. Лингвистическая этика как критерий оценки речевой деятельности в дискурсе СМИ и направление исследований // Актуальные проблемы стилистики. 2015. № 1. С. 109–118.
4. Аверинцев С.С. Агасфер // Мифы народов мира: энциклопедия. Т. 1. Большая Российская энциклопедия. М., 2000.
5. Береника, женское имя // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1890–1907.
6. Деревенский Б.Д. О местоположении Голгофы и Гробницы Христа. [http://www.gmir.ru/ecclesia/derew/Golgotha_11.htm]
7. Лобачев С.В. Лобное место в Москве. История и миф // Наука и жизнь. 1994. № 3.

МГУ им. М.В. Ломоносова